

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Муза нового века

Когда же проявит своё существование Муза нового века, которую узрят наши правнуки, а, может быть, и ещё более поздние поколения? Какова будет она? О чём споёт? Каких душевных струн коснётся? На какую высоту подымет свой век?

Да можно ли задавать столько вопросов в наше суетливое время, когда поэзия является чуть ли не помехой, когда ясно сознают, что от большинства «бессмертных» произведений современных поэтов останется в будущем много-много что-то вроде углевых надписей, встречающихся на тюремных стенах и привлекающих внимание разве некоторых случайных любопытных?

При таком положении дел, поэзии поневоле приходится принимать известное участие в жизни, играть хоть роль пыжа в борьбе партии, когда люди проливают кровь или чернила.

Это односторонний взгляд, скажут многие; поэзия не забыта и в наше время.

Нет. Находятся ещё люди, у которых в «ленивые понедельник» просыпается потребность в поэзии; испытывая от голода духовное урчание в соответствующих благородных частях своего организма, они посылают слугу в книжный магазин купить поэзии – особенно рекомендуемой, на целых четыре скиллинга! Некоторые же довольствуются и тою поэзией, которую могут получить впридачу к покупкам, или удовлетворяются чтением печатных клочков, в которые лавочники завёртывают им покупки. Так выходит дешевле, а в наше суетливое время нельзя не обращать внимание на дешевизну. Итак, существующие потребности удовлетворяются, – чего же ещё? Поэзия же будущего, как и музыка будущего – только донкихотство, и говорить о них всё равно, что говорить о путешествии с научною целью на Уран!

Время слишком дорого, чтобы тратить его на фантазирование, а, ведь, что такое в сущности – если рассуждать, как следует – что такое поэзия? Эти звучные излияния чувств и мыслей – только движение и колебание нервов. Восторг, радость, боль,

даже материальные стремления – всё это, по словам учёных, только колебание нервов. Каждый из нас в сущности нечто вроде арфы или другого струнного инструмента.

Но кто же затрагивает эти струны? Кто заставляет их колебаться и дрожать? Дух, незримый, божественный дух; его голос приводит их в колебание; они колеблются, звучат, и мелодия их или сливается с основным звуком в один гармонический аккорд, или образует могучий диссонанс. Так оно было, так и будет всегда в великом прогрессе человечества на пути свободного сознания.

Каждый век, можно даже сказать – каждое тысячелетие находит своё высшее выражение в поэзии. Рождённая в известную эпоху, Муза века выступает и царствует только в следующую.

Муза нового века родилась в наше суетливое время под грохот и стук машин. Привет ей! Она услышит или, может быть, прочтёт его когда-нибудь между только что упомянутыми углевыми надписями.

Колыбель её раскачивалась в пространстве, ограниченном с одной стороны крайнею точкой, которой касалась нога человека в его изысканиях на севере, а с другой – крайними пределами видимого человеку тёмного полярного горизонта. Мы не слышали скрипа её колыбели из-за шума стучащих машин, свиста паровозов, взрывов скал материализма и грохота сбрасываемых умственных оков.

Она родилась в великой фабрике, представляемой ныне нашею землею, в эпоху господства пара, неустанной работы, господина «Бескровного» и его подручных.

У неё великое любвеобильное сердце женщины; в её душе горит священное пламя весталки и огонь страсти. Одарена она быстрым, ярким, как молния, умом, проникающим через тьму тысячелетий; в нём, как в призме, отражаются все оттенки господствовавших когда-либо людских мнений, сменявшихся согласно моде. Силу и сокровище новой Музы составляет лебединое оперение фантазии, вытканное наукой и оживлённое первобытными силами природы.

Она дитя народа по отцу; здравомыслящая, с здоровою душою, серьёзными глазами и улыбкой на устах. По матери же она ведёт род от знатных, академически-образованных эмигрантов, хранящих память о золотой эпохе «рококо». Муза нового века уродилась душой и телом в обоих.

«На зубок» ей положили в колыбель великолепные дары. В изобилии были насыпаны туда, словно лакомства, загадки природы с разгадками; из водолазного колокола высыпали ей разные безделушки и диковинки морского дна. На пологе была отпечатана карта неба, напоминающего океан с мириадами островов-миров. Солнце рисовало ей картинки; фотография должна была доставлять игрушки.

Кормилица пела ей песни северного скальда Эйвинда и восточного певца Фирдуси, песни миннезингеров и песни, что выливались из глубины истинно-поэтической души шаловливого Гейне. Много, даже слишком много, рассказывала ей кормилица. Муза знает и наводящие ужас предания пра-пра-бабушки Эдды, предания, в которых как бы слышится свист кровавых крыл проклятий. Она прослушала в четверть часа и всю восточную фантазию – «Тысячу и одну ночь».

Муза нового века ещё дитя, но она уже выпрыгнула из колыбели; она полна стремления, но ещё и сама не знает, к чему ей стремиться.

Она ещё играет в своей просторной детской, наполненной сокровищами искусств и безделушками стиля рококо. Тут же и чудные мраморные изваяния греческой трагедии и римской комедии; по стенам развешаны, словно сухие травы, народные песни; стоит ей поцеловать их, и они пышно распустятся, свежие, благоухающие! Вокруг неё раздаются бессмертные созвучия Бетховена, Глюка, Моцарта и других великих мастеров. На книжной полке стоят произведения авторов, считавшихся в своё время бессмертными, но на ней хватило бы места и для трудов всех тех, чьи имена передаются нам по телеграфной проволоке бессмертия, но замирают вместе с передачей телеграммы.

Много, слишком много она читала; она, ведь, родилась в наше время, многое придётся ей забыть, и она сумеет позабыть.

Она ещё не думает о своей песне, которая будет жить в новом веке, как живут теперь вдохновенные творения Моисея и другие. Она ещё не думает о своей миссии, о своём будущем, она играет под шум борьбы наций, потрясающий воздух и образующий разные звуковые фигуры из гусиных перьев или из ядер – руны, которые

трудно разгадать.

Она носит гарибальдийскую шапочку, читает Шекспира, и у неё мелькает мысль: «А ведь, его ещё можно будет ставить, когда я вырасту!» Кальдерон покоится в саркофаге своих произведений; надпись на нём говорит о его славе. Гольберга же – да, Муза, ведь, космополитка – она переплела в один том с Мольером, Плавтом и Аристофаном; но охотнее всего она читает всё-таки Мольера.

Ей незнакомо то беспокойство, которое гонит горную серну, но и её душа жаждет соли жизни, как горная серна – раздолья гор. В сердце её разлит такой же покой, каким дышат сказания древних евреев, этих номадов, кочевавших в тихие звёздные ночи по зелёным равнинам, и всё же, когда она поёт их, сердце её бьётся сильнее, чем билось оно у вдохновенного древнего воина с Фессалийских гор.

Ну, а насчёт её религии как? – Она изучила все философские таблицы, сломала себе на «происхождении первоначальных сил» один из молочных зубов, но получила взамен новый, вкусила плода познания ещё в колыбели и стала так умна, что «бессмертие» кажется ей гениальнейшей мыслью человечества.

Когда же настанет новый век поэзии? Когда выступит его Муза? Когда мы услышим её?

В одно прекрасное весеннее утро она примчится на паровом драконе, с шумом пронесётся по туннелям, по мостам над пропастями, или пронесётся по бурному морю на пытящем дельфине, или по воздуху на птице Рок Монгольфиера и спустится на землю, откуда и раздастся впервые её приветствие человечеству. Откуда же? Не из земли ли Колумба, страны свободы, где туземцы стали гонимыми зверями, а африканцы – вьючными животными, страны, откуда прозвучала песнь о «Гиавате?» Или из земли наших антиподов, золотого острова в южном море, страны контрастов, где наша ночь является днём, где в мимозовых лесах поют чёрные лебеди? Или из той страны, где звенит и поёт нам колосс Мемнона, хотя мы и не понимаем пения сфинкса пустыни? С каменноугольного ли острова, где со времён Елизаветы господствует Шекспир? Из отчизны ли Тихо-де-Браге, где его не оценили, или из страны сказочных

приключений, Калифорнии, где возносит к небу свою главу царь лесов – Веллингтоново дерево?

Когда же заблестит звезда с чела Музы? Когда распустится цветок, на лепестках которого будет начертан символ красоты века, красоты форм, красок и благоухания?

«А какова будет программа новой Музы?» спросят сведущие «депутаты» от нашего времени. «Чего она хочет?»

Спросите лучше, чего она не хочет. Она не хочет выступить тенью истекшего времени! Не хочет мастерить новых драм из сданных в архив сценических эффектов, или прикрывать убожество драматической архитектуры ослепительными лирическими драпировками! Она на наших же глазах шагнёт в этой области так же далеко, как далеко шагнул мраморный амфитеатр от колесницы Фесписа. Она не хочет разбивать в куски естественную человеческую речь и потом лепить из них затейливые колокольчики с вкрадчивыми звуками времён состязаний трубадуров. Она не захочет признать поэзию дворянкой, а прозу мещанкой, – она сделает и стихи и прозу равными по звуку, полноте и силе. Не захочет она и вновь ваять старых богов из могучих, как скалы, исландских саг! Те боги умерли, и у нового века нет к ним сочувствия; они чужды ему! Не захочет она и приглашать своих современников отдыхать мыслью в вертепах французских романов. Не захочет и усыплять их «обыкновенными историями»! Она хочет поднести современникам жизненный эликсир! Песнь её и в стихах и в прозе будет сжата, ясна и богата содержанием! Биенье сердца каждой национальности явится для неё лишь буквою в великой азбуке мирового развития, и она возьмёт каждую букву с одинаковою любовью, составит из них слова, и они ритмично польются в гимне, который она воспоёт своему веку!

Когда же наступит это время?

Для нас, ещё живущих здесь на земле, не скоро, а для улетевших вперёд – очень скоро.

Скоро рушится китайская стена; железные дороги Европы достигнут закрытых культурных архивов Азии, и два потока культуры сольются! Они зашумят, может быть, так грозно, что мы, престарелые представители современности, затрепещем, как

перед наступлением Рагнарока, когда должны пасть старые боги. Но нам не следовало бы забывать, что эпохи и поколения человеческие должны сменяться и исчезать, что от них остаются лишь миниатюрные отражения, заключённые в рамки слова, которые и плывут по потоку вечности, словно цветы лотоса, говоря нам, что все эти поколения таких же людей, как и мы, только одетых иначе – действительно жили. Картина жизни древних евреев светит нам со страниц Библии, греков – из Иллиады и Одиссеи, а нашей жизни? Спроси у Музы нового века, спроси у неё во время Рагнарока, когда возникнет новая, преображённая Гимле^[1].

Вся сила пара, всякое давление современности послужат для Музы рычагами! Мастер «Бескровный» и его юркие подручные, которые казались могучими господами нашего времени, явятся лишь слугами, чёрными рабами, украшающими залы, подносящими сокровища и накрывающими столы для великого празднества, на котором Муза, невинная, как дитя, восторженная, как молодая девушка, и спокойная, опытная, как матрона, зажжёт дивный светоч поэзии, являющийся богатым, переполненным человеческим сердцем, в котором горит божественный огонь.

Привет тебе, Муза поэзии нового века! Привет наш вознесётся и будет услышан, как бессловесный гимн червя, перерезанного плугом. Когда настанет новая весна, плуг опять пойдёт взрезывать землю и перерезывать нас червей ради удобрения почвы для новой богатой жатвы, нужной грядущим поколениям. Привет тебе, Муза нового века!

^[1] Гимле – По сев. миф. – одна из небесных обителей, самая прекрасная и светлая, избегающая разрушения во время Рагнарока и предназначенная для душ добрых и правдивых людей.

 Загрузка...